

О понятии и содержании половой свободы и половой неприкосновенности как объектах половых преступлений

Н.В. Тыдыкова

Алтайский государственный университет

пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: academnauka@rambler.ru

Статья посвящена исследованию содержания понятий «половая свобода» и «половая неприкосновенность» как объектов группы преступлений, сформулированных в главе 18 Уголовного кодекса РФ. Половая свобода представлена как понятие, имеющее два аспекта – свобода на самоопределение и свобода от насилия. В качестве компонентов свободы на самоопределение в половом отношении предложены: право на выбор сексуального партнера и количества таковых, допустимых для данного момента видов сексуальных действий, временных промежутков и места вступления с конкретным лицом или лицами в половые отношения. Решение о реализации таких возможностей имеет силу в конкретный момент времени и может быть изменено в любое время по воле лица. Для нескольких возрастных групп лиц до 16 лет, а также для всех лиц, находящихся в беспомощном состоянии, предложено новое авторское обоснование признания обладания ими половой неприкосновенностью. Отмечены некоторые противоречия между нормами семейного и уголовного законодательства РФ, которые могут быть преодолены путем их системного толкования во взаимосвязи друг с другом. Предложены аргументы против критики содержания примечания к ст. 134 Уголовного кодекса РФ. Приведены особенности признания лиц, страдающих психическими заболеваниями, а также лиц, находящихся в бессознательном состоянии, обладающими половой неприкосновенностью. Рассмотрен вопрос об объекте половых преступлений, совершаемых гомосексуальными действиями. Автором предложена концепция современного правового статуса таких деяний на основе системного анализа норм Уголовного кодекса РФ, Кодекса об административных правонарушениях РФ и позиции Конституционного суда РФ.

Ключевые слова: половая свобода, половая неприкосновенность, половые преступления, малолетние потерпевшие, действия гомосексуального характера.

On the Concept and Content of Sexual Freedom and Sexual Inviolability as Objects of Sexual Offences

N.V. Tydykova

Altai State University

61 Lenin St., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: academnauka@rambler.ru

The article concentrates on the study of the content of the concepts of «sexual freedom» and «sexual inviolability» as objects of a group of crimes defined in Chapter 18 of the Criminal Code of the Russian Federation. Sexual freedom is described as a concept that has two aspects - freedom of self-determination and freedom from violence. As components of the freedom of self-determination in sexual relations, the following are proposed: the right to choose a sexual partner and the number of such, the types of sexual activities permissible for a given moment, time intervals and the place of having a sexual relation with a specific person or persons. The decision on the feasibility of such opportunities is valid at a particular moment in time and can be changed at any time at the will of the person. A new author's rationale has been proposed for recognizing sexual inviolability for several age groups of persons under 16 years of age, as well as for all persons in a helpless situation. Some contradictions between the norms of the family law and criminal legislation of the Russian Federation are noted, which can be overcome by their systematic interpretation in conjunction with each other. Arguments are proposed against criticism of the content of the explanatory note to Art. 134 of the Criminal Code of the Russian Federation. The signs for recognition of persons suffering from mental illness, as well as persons in an unconscious state with sexual inviolability are given. The issue of the object of sexual offences committed by homosexual acts is considered. The author proposes the concept of the

advanced legal status of such acts based on a systematic analysis of the norms of the Criminal Code of the Russian Federation, the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation and the position of the Constitutional Court of the Russian Federation.

Key words: sexual freedom, sexual inviolability, sexual offences, juvenile victims, homosexual acts.

Исходя из названия главы 18 Уголовного кодекса РФ, непосредственными объектами группы половых преступлений можно назвать половую свободу и половую неприкосновенность личности. Закон не раскрывает содержание этих понятий, а в литературе по уголовному праву отсутствует единое понимание терминов.

В словаре В.И. Даля свобода понимается как воля, простор, возможность действовать по-своему; отсутствие стеснения, неволи, рабства, подчинения чужой воле [Даль 1880-1882]. Следовательно, половая свобода – это не только свобода на самоопределение в сфере половых отношений в рамках сложившегося в обществе уклада половых отношений, но и свобода от принуждения. В таком понимании половая свобода имеет два аспекта – свобода на самоопределение и свобода от насилия.

Первый компонент – свобода на самоопределение – требует детализации, так как имеет сложное содержание. Думается, что половая свобода должна включать в себя право на выбор сексуального партнера, допустимых для данного момента видов сексуальных действий, временных промежутков и места вступления с конкретным лицом в половые отношения. Любые более узкие трактовки половой свободы привели бы к возможным ограничениям свободы личности. Весьма деликатным является вопрос об объекте посягательства при насильственных гомосексуальных действиях. Свобода на выбор сексуального партнера состоит не только в определении конкретной личности, с которой носитель права желает вступить в половые отношения, но и в определении признаков такой личности, в том числе по половому признаку. Поэтому, например, при гомосексуальных действиях насильственного характера объектом посягательства будет выступать в том числе и этот компонент половой свободы. Если рассматривать этот аспект более детально, то можно дополнить его и правом определения количества половых партнеров как в разное время, так и одновременно. Этот срез половой свободы страдает в случае совершения половых преступлений групповым способом.

Непрост вопрос о необходимости выделения дополнительного объекта при гомосексуальных посягательствах. В литературе этот вопрос обойден вниманием. Вероятной причиной его игнорирования можно предположить неопределенность правового статуса гомосексуализма как такового. Так, с одной стороны, половая свобода предполагает возможность свободно выражать свой сексуальный потенциал, поэтому гомосексуальные связи вполне «вписываются» в нормальный уклад половых отношений, разумеется, если они основаны на добровольном согласии всех лиц, участвующих в таких отношениях. Подтверждением тому служит, например, факт легализации добровольного гомосексуализма. В России традиционно признавались допустимыми только гетеросексуальные отношения, так как это единственная естественная форма половой активности, в которой напрямую заинтересовано общество и государство, так как она является средством продолжения рода. Поэтому в России гомосексуализм долгое время был под запретом. Постепенно отношение к этому явлению изменилось. Российское законодательство, отменив в начале 90-х годов XX века уголовную ответственность за добровольное мужеложство, стало в большей мере соответствовать мировым требованиям в области охраны прав и свобод человека. В таких отношениях, построенных на добровольных началах, нет общественной опасности, а следовательно, нет и оснований для криминализации таких деяний путем закрепления в уголовном законе.

Вместе с тем наличие в Кодексе об административных правонарушениях РФ ст. 6.21, устанавливающей ответственность за пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних, демонстрирует некоторые особенности отношения к гомосексуализму в российском обществе. Названный состав правонарушения заключается в пропаганде нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних, которая может выразиться в распространении информации, направленной на формирование у несовершеннолетних нетрадиционных сексуальных установок, привлекательности нетрадиционных сексуальных отношений, искаженного представления о социальной равноценности традиционных и нетрадиционных сексуальных отношений, либо навязывании информации о нетрадиционных сексуальных отношениях, вызывающей интерес к таким отношениям, если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния. Обращает на себя внимание трансляция идеи о социальной неравноценности традиционных и нетрадиционных сексуальных отношений, так как иное понимание с позиции закона является искаженным.

Указанные действия образуют состав правонарушения исключительно в случаях, когда совершены в отношении несовершеннолетнего, что означает признание социальной вредности лишь при совершении в отношении социально и психологически незрелой категории граждан – несовершеннолетних, что может повлиять на формирование ложных и вредных установок.

Примечательно, что ч.1 ст. 6.21 Кодекса об административных правонарушениях РФ была предметом рассмотрения Конституционным Судом РФ по жалобе группы граждан [Постановление Конституционного Суда РФ 2014]. По их мнению, запрет, исключаящий распространение среди несовершеннолетних любой информации о гомосексуальности, в том числе содержащей лишь утверждение о социальной равноценности близких отношений между людьми разного пола и между людьми одного пола, не имеет под собой разумных оснований, такой запрет основан на предрассудках, в силу которых негетеросексуальные отношения осуждаются как безнравственные, а следовательно, влечет умаление достоинства граждан негетеросексуальной ориентации, а также дискриминацию по

признаку сексуальной ориентации. Конституционный Суд РФ пришел к выводу о том, что часть 1 статьи 6.21 КоАП РФ не противоречит Конституции РФ, поскольку она направлена на защиту таких конституционно значимых ценностей, как семья и детство, а также на предотвращение причинения вреда здоровью несовершеннолетних, их нравственному и духовному развитию и не предполагает вмешательства в сферу индивидуальной автономии, включая сексуальное самоопределение личности, не имеет целью запрещение или официальное порицание нетрадиционных сексуальных отношений, не препятствует беспристрастному публичному обсуждению вопросов правового статуса сексуальных меньшинств, а также использованию их представителями всех не запрещенных законом способов выражения своей позиции по этим вопросам и защиты своих прав и законных интересов, включая организацию и проведение публичных мероприятий. При этом противоправными могут признаваться только публичные действия, целью которых является распространение информации, популяризирующей среди несовершеннолетних или навязывающей им нетрадиционные сексуальные отношения. Сами по себе гомосексуальные действия, совершаемые добровольно между гражданами, достигшими 16 лет, не являются запрещенными, а Конституция РФ гарантирует защиту равным образом всем лицам, вне зависимости от их сексуальной ориентации, а сексуальная ориентация как таковая не может служить правомерным критерием установления различий в правовом статусе человека и гражданина. Также Конституция не дает оснований для установления запрета на ведение общественных дискуссий о сексуальных отношениях, включая нетрадиционные. Однако установление пределов осуществления свободы слова и свободного распространения информации обусловлено необходимостью обеспечения баланса интересов всех членов российского общества. Поскольку одно из предназначений семьи – рождение и воспитание детей, в основе законодательного подхода к решению вопросов демографического и социального характера в области семейных отношений в РФ лежит понимание брака как союза мужчины и женщины. Отсюда не вытекает обязанность государства по созданию условий для пропаганды, поддержки и признания союзов лиц одного пола. Цель, которую преследовал федеральный законодатель при установлении рассматриваемой нормы, – оградить ребенка от воздействия информации, способной подтолкнуть его к нетрадиционным сексуальным отношениям, приверженность которым препятствует выстраиванию семейных отношений, как они традиционно понимаются в России и выражены в Конституции РФ. Конституционный Суд РФ признал, что возможность влияния соответствующей информации, даже поданной в навязчивой форме, на будущую жизнь ребенка не является безусловно доказанной. Тем не менее, исходя из специфики общественных отношений, связанных с оказанием информационного воздействия на лиц, не достигших совершеннолетия и потому находящихся в уязвимом положении, законодатель вправе использовать для оценки необходимости введения тех или иных ограничений критерии, основанные на презумпции наличия угрозы интересам ребенка, тем более что вводимые им ограничения касаются только адресной направленности соответствующей информации лицам определенной возрастной категории и потому не могут рассматриваться как исключающие возможность реализации конституционного права на свободу информации в этой сфере.

Таким образом, официально государство не признает равнозначными в социальном плане гетеросексуальные и гомосексуальные отношения. Однако и запрета на добровольный гомосексуализм, как и каких-либо иных запретов и ограничений (помимо запрета пропаганды среди несовершеннолетних) для статуса лиц такой ориентации закон не устанавливает. Также в конце 2022 года Государственная Дума РФ рассмотрит законопроект о запрете пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений и среди взрослых лиц.

Часть 2 статьи 19 Конституции РФ гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Из перечисленных обстоятельств рассматриваемое может быть определено в категории «других обстоятельств». Это означает, что гомосексуалисты имеют право на недискриминацию по такому признаку.

Статья 5.62 Кодекса об административных правонарушениях РФ устанавливает административную ответственность за дискриминацию, то есть нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его пола, расы, цвета кожи, национальности, языка, происхождения, имущественного, семейного, социального и должностного положения, возраста, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности или непринадлежности к общественным объединениям или каким-либо социальным группам. Толкование диспозиции этой нормы не позволяет привлечь к ответственности по ней за дискриминацию по признаку гомосексуальности, так как он не подходит ни под один из названных признаков, в том числе гомосексуалистов нельзя назвать социальной группой, так как объединяет их признак, не связанный с положением в обществе. Аналогично складывается и практика квалификации преступлений экстремистской направленности. В литературе можно встретить позицию о том, что только прямое включение в перечень дискриминирующих признаков сексуальной ориентации способно обеспечить реальную защиту гомо- и бисексуалов от всех видов дискриминации [Нестеровская 2015: 158]. Думается, что реализация такого предложения способствовала бы защите рассматриваемой категории от дискриминации, но на фоне других правовых и социальных проблем последних лет вряд ли этот вопрос будет решен в числе первоочередных.

В качестве второго компонента половой свободы выступает свобода от принуждения. Свобода одного заканчивается там, где начинается свобода другого. Реализация половой свободы не должна нарушать половую свободу другого лица.

В качестве альтернативного непосредственного объекта половых преступлений выступает половая неприкосновенность. В юридической литературе распространено понимание половой неприкосновенности как

морального и правового запрета вступать в половые отношения с лицом, не обладающим половой свободой ввиду неспособности понимать значение и последствия совершаемых в отношении него сексуальных действий или руководить своими поступками в половой сфере.

К лицам, обладающим половой неприкосновенностью, ряд исследователей относит совершеннолетних лиц в беспомощном состоянии и несовершеннолетних до определенного возраста [Озова 2006: 46-47].

Так как в ст. 134 Уголовного кодекса РФ установлена ответственность за половые отношения с лицами, не достигшими 16-летнего возраста, то можно предположить, что до 16 лет все лица обладают половой неприкосновенностью. Рассмотрим этот вопрос подробно применительно к разным возрастным группам.

Если проанализировать примечание к ст. 131 Уголовного кодекса РФ, то можно сделать вывод, что лиц, не достигших 12-летнего возраста, законодатель бесспорно считает неприкосновенными, поскольку такие лица в силу возраста находятся в беспомощном состоянии, то есть не могут понимать характер и значение совершаемых с ними действий.

Лица в возрасте от 12 до 14 лет не всегда могут быть признаны беспомощными. Те из них, кто не понимает характера совершаемых с ним действий и не осознает возможности определенных последствий в результате этих действий, должны быть признаны обладающими половой неприкосновенностью именно по этому признаку. Те, кто понимает и осознает указанные обстоятельства, носителем половой неприкосновенности по признаку беспомощного состояния быть не могут. Однако думается, что это не должно исключать отнесение их к кругу носителей половой неприкосновенности по иному признаку. Половая неприкосновенность – категория, которую законодатель может установить ввиду необходимости защиты нормального нравственного и полового развития. Отсутствие необходимого жизненного опыта, внушаемость даже при осознании характера половых отношений и их биологических и социальных последствий может стать фактором принятия решения, которое повлечет негативные последствия для малолетнего (беременность, венерическое заболевание, ВИЧ-инфекция и т. п.). Понимание сути таких отношений и возможных последствий в малолетнем возрасте носит скорее обобщенный абстрактный характер на уровне «у людей так бывает», нежели детальное знание, позволяющее успешно применять методы защиты от заболеваний, передающихся половым путем, предохраняться от беременности. Решение о вступлении в половые отношения, принятое на фоне отсутствия достаточных знаний, навыков и социального опыта, не может быть признано осознанным и волевым, а значит обеспечивающим физический и эмоциональный комфорт от принятого решения, как непосредственно сразу при его принятии, так и спустя некоторое время, когда могли возникнуть последствия различного рода и эмоциональная переоценка события. Исследования показывают, что сексуально травмированные дети, став взрослыми, отличаются пониженным самоуважением, гипертрофированными чувствами вины, стыда, чувством отчуждения от других, отвращением к прикосновениям, склонностью к пьянству, наркомании, высоким процентом самоубийств и предрасположенностью к виктимизации, то есть ребенок, подвергшийся насилию, сам становится опасен для других [Гоноченко 2003: 65]. Так, например, Р.Е. Затона отмечает, что при совершении полового сношения или иных действий сексуального характера с несовершеннолетними нарушается их нормальное половое развитие, поскольку еще не завершена процесс их нравственно-полового формирования, они по своим психофизическим качествам еще не подготовлены к вступлению в половую жизнь без ущерба для своего здоровья [Затона 2003: 14]. Поэтому было бы неправильным наделять лиц этой возрастной категории половой свободой и возлагать на них ответственность за свободное распоряжение таким правом. Таким образом, видится правильным для обеспечения гарантии нормального нравственного и полового развития малолетних в возрасте от 12 до 14 лет считать их неприкосновенными в половом отношении.

Вопрос о половой неприкосновенности лиц в возрасте от 14 до 16 лет вызывает особые сложности в силу того, что действующее российское законодательство допускает возможность вступления в брак с 14 лет. Сложно говорить о половой неприкосновенности таких лиц, так как при положительном решении этого вопроса возникла бы ситуация коллизии семейного и уголовного законов. Кроме того, Уголовный кодекс РФ действует на территории всей страны единообразно, поэтому какие-либо различия как в действиях норм, так и в содержании понятий недопустимы в зависимости от региона страны.

В соответствии со ст. 13 Семейного кодекса РФ брачный возраст в РФ – 18 лет. При наличии уважительных причин органы местного самоуправления по месту жительства лиц, желающих вступить в брак, вправе по просьбе данных лиц разрешить вступить в брак лицам, достигшим возраста шестнадцати лет. Также порядок и условия, при наличии которых вступление в брак в виде исключения с учетом особых обстоятельств может быть разрешено до достижения возраста шестнадцати лет, могут быть установлены законами субъектов РФ. В данный момент с 14 лет допускаются браки в следующих субъектах РФ: Чеченская Республика, Республика Адыгея, Тюменская, Московская, Тульская, Калужская, Нижегородская, Вологодская, Тамбовская, Орловская области, Еврейский АО, Ханты-Мансийский АО; с 15 лет: Рязанская, Челябинская, Мурманская области, Кабардино-Балкарская Республика. Так, например, в соответствии с Законом Московской области от 30.04.2008 № 61/2008-ОЗ лица в возрасте от 14 до 16 лет в виде исключения могут вступить в брак при наличии таких особых обстоятельств, как беременность, рождение общего ребенка (детей), непосредственная угроза жизни одной из сторон. Аналогичные обстоятельства предусмотрены, например, п. 4 ст. 10 Семейного кодекса Республики Татарстан, ст. 2 Закона Нижегородской области от 10.09.1996 № 44-З, ст. 2 Закона Калужской области № 10-ОЗ от 06.06.1997. В соответствии со ст. 2 Закона Мурманской области от 18.11.1996 № 42-01-ЗМО к особым обстоятельствам для вступления в брак лиц, не достигших возраста 16 лет, относится также случай, когда беременная несовершеннолетняя женщина, находясь в тяжелых материальных или иных экстремальных условиях (сирота, неполная семья, неблагополучная семейная обстановка и др.), вступая в брак, улучшает условия

жизни для себя и будущего ребенка.

Это подтверждает мысль о том, что ориентир на 16-летний возраст, указанный в ст. 134 УК РФ, не может лежать в основе формирования универсального правила, так как, во-первых, он не позволяет сформулировать единое для всех правило, а уголовный закон предполагает единство действия на всей территории РФ. Во-вторых, ст. 134 УК устанавливает не запрет на вступление в половые отношения для таких лиц, а ответственность для лиц, достигших 18 лет, за половые контакты с лицами, не достигшими 16 лет. Это означает, что за добровольные половые контакты с указанными потерпевшими не наступает ответственность для лиц моложе 18 лет. Это позволяет сделать предположение о том, что ст. 134 УК РФ направлена скорее на защиту лиц, не достигших 16 лет, и в силу молодости не способных принять взвешенное решение о вступлении в половые отношения (особенно под влиянием более взрослых), от необдуманных решений, которые могут нанести вред процессу нормального полового развития или здоровью), чем на обеспечение полного запрета на половые отношения таких лиц. В-третьих, сам законодатель в разные периоды времени демонстрирует сомнения относительно установления возрастного критерия «согласия» в 16 лет. Федеральным законом РФ от 29 февраля 2012 года N 14-ФЗ в диспозиции этой нормы помимо возрастного критерия в качестве второго обязательного признака потерпевшего было названо и недостижение половой зрелости. Однако такое решение многими специалистами было воспринято скептически (см., например, [Тыдыкова 2013: 31-35; Цэнгэл 2013: 161]), а практика показала ряд неразрешимых проблем, ввиду чего уже в конце 2013 года этот признак был исключен из текста ст. 134 УК РФ. А с 1998 по 2003 гг. возраст «согласия» в анализируемой норме был зафиксирован в 14 лет. Поэтому сложно только положения ст. 134 УК РФ брать за отправную точку в определении критериев половой неприкосновенности.

Статья 134 Уголовного кодекса РФ была предметом рассмотрения Конституционного суда РФ. По мнению гражданина П., эта норма позволила несправедливо привлечь его к уголовной ответственности и осудить за половые сношения с четырнадцатилетней девушкой, с которой у него длительное время были близкие отношения. Как следует из жалобы, к моменту постановления приговора они, исходя из особых обстоятельств, указанных в п. 2 ст. 13 Семейного кодекса РФ и ч. 2 ст. 12 Семейного кодекса Республики Башкортостан, подали в органы ЗАГС заявление о заключении брака, который после постановления приговора был зарегистрирован. Однако Конституционный Суд РФ указал, что положения ст. 13 Семейного кодекса РФ во взаимосвязи с положениями ст. 134 Уголовного кодекса РФ исключают противоправность полового сношения лица, достигшего восемнадцатилетнего возраста, с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, только после регистрации их брака. Также Конституционный Суд РФ отметил, что положения ст. 134 УК РФ направлены на защиту ребенка от всех форм сексуального совращения, на охрану половой неприкосновенности лиц, не достигших определенного возраста и вследствие недостаточного физиологического и социального развития не обладающих половой свободой. А разрешение на брак с 14-летнего возраста может быть дано лишь в виде исключения по серьезным причинам [Определение Конституционного Суда РФ 2008]. Таким образом, сам Конституционный Суд РФ транслирует идею о наделении всех лиц, не достигших 16 лет, половой неприкосновенностью. Изъятия из этого правила возможны лишь в виде исключения в целях обеспечения интересов лиц, не достигших 16 лет. Также необходимо понимать, что брачные отношения представляют собой комплексные отношения как имущественного, так и личного неимущественного характера и не могут сводиться только к половым отношениям. Возраст готовности к ним законом устанавливается исходя из оценки достижения лицами готовности к ним как комплексному явлению. Таким образом, возможность заключения брака и вступления в половые отношения с 14 лет – исключение из общего правила, причем исключение не на уровне всего субъекта РФ, а «адресное», применяемое к конкретному лицу в его конкретных жизненных обстоятельствах. Поэтому целесообразно говорить о том, что лица в возрасте от 14 до 16 лет все-таки обладают половой неприкосновенностью.

Соответствует идее такого исключения из общего правила и примечание к ст. 134 УК РФ, в соответствии с которым лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 134 УК РФ, освобождается судом от наказания, если будет установлено, что это лицо и совершенное им преступление перестали быть общественно-опасными в связи с вступлением в брак с потерпевшим. Законодатель, вероятно, исходит из того, что при признании компетентным органом при наличии особых обстоятельств возможности вступления в брак до достижения 16 лет возможно признать отсутствие общественной опасности такого деяния. Это обстоятельство по своим признакам похоже на такой институт уголовного права, как изменение обстановки. Однако содержание анализируемого примечания в литературе подвергается критике. Вполне возможны случаи вступления в брак на короткий срок лишь с целью избежать уголовной ответственности. Понятно, что об устранении общественной опасности в таком случае говорить не приходится, более того, скорее всего, в таком случае нормальному нравственному и половому развитию лица, не достигшего 16-летнего возраста, может быть причинен еще больший вред. Р.К. Биларов отмечает, что такое примечание позволяет договориться с потерпевшей, ее родителями, формально заключить брак, а после прекращения уголовного дела развестись, так как закон не предусматривает возможности отмены решения о прекращении уголовного дела в случае последующего развода [Билалов 2010: 41-42]. С этим мнением сложно не согласиться. Однако если действие ст. 134 УК РФ во взаимосвязи с соответствующими нормами семейного законодательства позволяет признать отсутствие общественной опасности половых отношений при наличии названных исключительных обстоятельств, а значит, и отсутствие состава преступления в таком случае, то необходим и механизм улучшения положения для лица, совершившего деяние, обладающее всеми признаками преступления, но ввиду установления отсутствия в таком деянии общественной опасности (компетентным органом установлено, что потерпевший в своей жизненной ситуации может вступить в брак до достижения 16 лет) нецелесообразно применение к нему наказания.

Другое обстоятельство, помимо возраста, с которым может быть связано признание лица неприкосновенным в половом отношении – это состояние беспомощности. В теории уголовного права традиционно считается, что беспомощное состояние может быть обусловлено психическим или физическим состоянием потерпевшего. При психической беспомощности лицо не понимает характера совершаемых с ним действий и не осознает возможности определенных последствий в результате этих действий. Подобное состояние может быть вызвано, например, малолетним возрастом или психическим заболеванием. В этой ситуации лицо не может самостоятельно решать вопрос об удовлетворении чужого и своего полового чувства. Однако такое решение влечет ряд вопросов.

При обсуждении половой неприкосновенности по признаку беспомощного состояния лиц, страдающих психической болезнью, возникает вопрос о том, кто и каким образом может решить вопрос о вступлении в половое сношение. Ведь половая потребность у этих лиц существует, а в ряде случаев при определенных видах психических заболеваний она значительно больше, чем у других лиц. В соответствии со ст. 5 Закона РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» от 02.07.1992 N 3185-1 лица, страдающие психическими расстройствами, обладают всеми правами и свободами граждан, предусмотренными Конституцией РФ и федеральными законами. Ограничение прав и свобод граждан, связанное с психическим расстройством, допустимо лишь в случаях, предусмотренных законами РФ. Действующее законодательство не содержит запрета на вступление в половые отношения для лиц, страдающих психическими заболеваниями, поэтому они являются полноправными обладателями половой свободы. Однако те лица, которые по причине психического заболевания не могут осознавать фактический характер совершаемых действий или руководить своими действиями, должны признаваться беспомощными. В соответствии со ст. 131 и 132 УК РФ любые действия сексуального характера, совершаемые с использованием беспомощного состояния потерпевших, образуют состав преступления. А беспомощные лица обладают половой неприкосновенностью.

Непрост вопрос о признании половой неприкосновенности лиц, находящихся в бессознательном состоянии, например, вызванном крепким сном, в том числе возникшим под воздействием медицинских препаратов, алкоголя или наркотических средств, психотропных веществ и тому подобными веществами. Думается, что в таких случаях правильно говорить о смешанном характере беспомощности, так как имеет место беспомощное состояние, вызванное психо-физическими причинами. Вопрос о половой неприкосновенности таких лиц имеет практическое значение. В частности, от его решения зависит то, должен ли супруг (постоянный половой партнер, лицо, ранее добровольно вступавшее в половые отношения и уверенное в согласии женщины) получить согласие на половое сношение во всех случаях, в том числе и тогда, когда женщина, например, находится в состоянии сна, вызванного сильным алкогольным опьянением? Так как лиц в описанных состояниях следует признавать беспомощными, а значит, обладающими половой неприкосновенностью, то вступать с такими лицами в половые отношения можно только тогда, когда до возникновения такого состояния было получено согласие, которое с очевидностью распространяло свое действие в том числе и на период беспомощности. Исключением из этого правила не должно быть ни состояние в браке с беспомощным лицом, ни имевший место ранее опыт добровольных половых отношений с ним. Это связано с тем, что лица обладают половой свободой, компонентами которой являются возможности в любой момент времени принимать решения о вступлении в половые отношения с конкретным лицом (или лицами), о месте, времени, продолжительности и видах таких действий. Однажды принятое решение имеет силу в конкретный момент времени и не обязательно распространяется на последующий период, т. е. может быть разовым. Также носитель половой свободы вправе отозвать уже озвученное решение о согласии или несогласии.

Таким образом, непосредственными объектами половых преступлений являются половая свобода и половая неприкосновенность. Половая свобода имеет два аспекта – свобода на самоопределение и свобода от насилия. Свобода на самоопределение в половом отношении включает в себя ряд компонентов: право на выбор сексуального партнера и их количества, допустимых для данного момента видов сексуальных действий, временных промежутков и места вступления с конкретным лицом в половые отношения. Решение о реализации таких возможностей имеет силу в конкретный момент времени и может быть изменено в любое время по воле лица. Половой неприкосновенностью обладают лица, не достигшие 16 лет, а также лица, в силу различных обстоятельств признанные находящимися в беспомощном состоянии.

Литература

Билалов Р.К. Брак по Уголовному кодексу / Законность. – 2010. – N 6. С. 41–42.

Гоноченко О.А., Пудовочкин Ю.Е. Защита несовершеннолетних от сексуального совращения и сексуальной эксплуатации: уголовно-правовые проблемы. Ставрополь, 2003.

Даль В.И. Толковый словарь живого русского языка Владимира Даля: подгот. по 2-му печ. изд. 1880–1882 гг. – Электрон. дан. М., 1998 – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

Затона Р.Е. Уголовно-правовой и криминологический аспекты борьбы с насильственными сексуальными посягательствами на несовершеннолетних. Самара, 2003.

Нестеровская Ю.Л. Дискриминация по признаку сексуальной ориентации / Символ науки. – 2015. - № 3. – С. 158–159.

Озова Н.А. Насильственные действия сексуального характера. М., 2006.

Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21 октября 2008 года / СПС Консультант.

Постановление Конституционного Суда РФ от 23.09.2014 N 24-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой граждан Н.А. Алексеева, Я.Н. Евтушенко и Д.А. Исакова» / СПС Консультант.

Тыдыкова Н.В. Проблемы установления половой зрелости / Актуальные проблемы уголовного закона: сборник научных статей. - Барнаул, 2013. - С. 31-35.

Цэнгэл С.Д. Уголовная политика в сфере защиты половой неприкосновенности несовершеннолетних / Уголовная политика и проблемы правоприменения: сборник статей по материалам международной научно-практической конференции. - СПб, 2013. - С. 157-161.

References

Bilalov, R.K. (2010). Brak po Ugolovnomu kodeksu. Zakonnost, 6, 41-42 (in Russian).

Czengel, S.D. (2013). Ugolovnaya politika v sfere zashhity polovoj neprikosnovennosti nesovershennoletnix. Ugolovnaya politika i problemy pravoprimeneniya: sbornik statej po materialam mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Saint Petersburg, 157-161 (in Russian).

Dal', V.I. (1998). Tolkovyy slovar zhivogo russkogo yazyka Vladimira Dalya: podgot. po 2-mu pech. izd. 1880-1882 gg. - Elektron. dan.- Moscow, 1 elektron. opt. disk (CD-ROM) (in Russian).

Gonochenko, O.A., Pudovochkin, Yu.E. (2003). Zashhita nesovershennoletnix ot seksualnogo sovrashheniya i seksualnoj ekspluatsii: ugolovno-pravovye problemy. Stavropol (in Russian).

Nesterovskaya, Yu.L. (2015). Diskriminatsiya po priznaku seksualnoj orientatsii. Simvol nauki, 3, 158-159 (in Russian).

Opreделение Конституционного Суда Россиjskoj Federatsii ot 21 oktyabrya 2008 goda. SPS Konsultant (in Russian).

Ozova, N.A. (2006). Nasilstvennye dejstviya seksualnogo kharaktera. Moscow (in Russian).

Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 23.09.2014 N 24-P "Po delu o proverke konstitucionnosti chasti 1 stati 6.21 Kodeksa Rossijskoj Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyax v svyazi s zhaloboj grazhdan N.A. Alekseeva, Ya.N. Evtushenko i D.A. Isakova". SPS Konsultant (in Russian).

Tydykova, N.V. (2013). Problemy ustanovleniya polovoj zrelosti. Aktualnye problemy ugolovnogo zakona: sbornik nauchnykh statej. Barnaul, 31-35 (in Russian)

Zatona, R.E. (2003). Ugolovno-pravovoj i kriminologicheskij aspekty borby s nenasilstvennymi seksualnymi posyagatelstvami na nesovershennoletnix. Samara (in Russian).

Citation:

Тыдыкова Н.В. О понятии и содержании половой свободы и половой неприкосновенности как объектах половых преступлений // Юрислингвистика. – 2022. – 26. – С. 33-39.

Tydykova N.V. (2022). On the concept and content of sexual freedom and sexual inviolability as objects of sexual crimes. Legal Linguistics, 26, 33-39.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License